

différence ontico-ontologique», Heidegger et la phénoménologie, P., Vrin, 1990, p.208. Для текста заметок, мы опираемся на французское издание книги: E. Husserl, Notes sur Heidegger, Paris, éditions de Minuit, 1993.

2. Здесь-бытие по переводу В. Михайлова, но также большинства русских эмигрантов [С. Франк, Н. Бердяев...]; присутствие по переводу В. Бибикина, см. М. Хайдеггер, Бытие и время, М., Ad Marginem, 1997.

3. Логос, 1991, 2, стр. 213, примечание № 12.

4. См. Maryse Dennes, Dualisme et Principe de totalité. Recherche d'un fondement de la différence entre la russie et l'Occident, thèse de Doctorat soutenue à Paris X-Nanterre le 25

janv. 1989, fichier central des thèses: № 8503341L; См. Тоже: Maryse Dennes, Russie-Occident, Philosophie d'une différence, Paris, Menth, 1991; Maryse Dennes, Husserl-Heidegger, Influence de leur oeuvre en Russie, Paris, L'Harmattan, 1998, coll: «Ouverture philosophique». По-русски, см. Logos, Filosofsko-literaturnyj žurnal, Moscou, éd. du RGGU, 1996, 7, pp. 193-201 (A. Kozyrev).

5. Мы опираемся на французское издание этого текста: E. Husserl, Logique formelle et logique transcendante, trad. Suzanne Bachelard, P., PUF, 1965. Особенно, Introduction, стр. 3-25.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

С.А. Нижников

Нижников
Сергей Анатольевич

доктор философских наук,
профессор Российского
университета дружбы народов

Чтобы разобраться в проблеме взаимодействия политики и морали, выделим четыре возможных логических варианта их соотношения в широком социокультурном контексте.

1. Тезис Макиавелли можно выразить следующим образом: *только благая политическая цель оправдывает любые средства*. Так Макиавелли пишет о политическом деятеле: «Пусть обвиняют его поступки, лишь бы оправдывали результаты, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши...»¹. Следует правильно понимать этот тезис, так как он не направлен на апологию насилия. Целью для Макиавелли всегда оставалось «общее благо». Политический лидер должен «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»².

Согласно Макиавелли предательством, вероломством и жестокостью «можно стяжать власть, но не славу», и тех, кто следует бесчеловечности и совершает преступления, он не относит к «величайшим людям». Для него «жестокость жестокости рознь»³, поэтому «...гнусны и омерзительны искоренители религий, разрушители республик и царств, враги

доблести, литературы и всех прочих искусств, приносящих пользу и честь роду человеческому, иными словами – люди нечестивые, насильники, невежды, недотепы, лентяи и трусы»⁴. Макиавелли клеймит позором тех, кто обращается к тирании как средству обретения и удержания власти. В этом он осуждает даже Юлия Цезаря. Тиран для него, как и для Платона, несчастнейший из людей. Политика вне морали расценивается им как преступление. «Политика не отделяется у Макиавелли от морали, она полностью ее поглощает, не остается такой области, которая была бы независима от политики...»⁵. Политика *уже* моральна по своему определению. Иная мораль, внеполитическая, – только мешает реализации политических целей и потому должна быть упразднена, или к ней нет необходимости прислушиваться. Мораль превращается в технический инструментарий политика, лишается своей сущностной и универсалистской характеристики. Несмотря на наличие элементов гуманизма в политической доктрине Макиавелли, можно усомниться в его безупречности. Кроме того, от Макиавелли можно идти не только вперед, к полноценному и истинному, и в этом смысле *реальному* гуманизму, основанному на принципе ненасилия, но и назад, к полной его утрате – «макиавеллизму».

2. Тезис макиавеллизма, который есть опровержение Макиавелли⁶, – *цель оправдывает любые средства*. Если А.Х. Горфункель пишет, что «Соотношение между действительным учением Макиавелли и «макиавеллизмом

достаточно сложно», так как «сформулировав принцип оправдания средств, применяемых политиком, теми целями, которые он ставит перед собой, он дал возможность достаточно произвольного истолкования соотношения целей и средств политического действия»⁷, то согласно Николаю Бердяеву «Макиавеллизм не есть какое то специальное направление в политике Ренессанса, но есть сущность политики, которую признали автономной и свободной от моральных ограничений»⁸. Примеры такой «политики», полагал другой русский философ Иван Александрович Ильин (1883-1954) дают Гитлер и Сталин⁹. По отношению к данным кровавым человеконенавистническим деспотам можно применить и более подходящий тезис: «*сопротивление добру насилием*», или «*уничтожение добра насилием*».

Нашлись «последователи» Макиавелли, которые опустили лишь одно определение в его высказывании — «благая» цель, но при этом смысл первоначального суждения полностью извратился. Эта деятельность не должна называться политической, «это не политика, а *гибель политики*»¹⁰. Она и запрещается Конституцией России и законами, однако до сих пор это определение можно найти в учебниках.

В действительной, то есть моральной политике власть не может рассматриваться как цель. Власть — это лишь инструмент для осуществления определенной общественной цели. Уже Аристотель определял политику как стремящуюся к благу: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе» (Политика 1282b 15). Это же утверждает и И.А. Ильин: «...мы отказываемся признать это «политической деятельностью»... это не политика, а *гибель политики*»¹¹.

Чтобы преодолеть крайности прошлого и современности, необходимо осуществить своеобразный возврат к классической политической философии, понятию добродетели (но не к платоновскому и тоталитарному государству), объединив ее с достижениями новоевропейской политической философии, свободой и

равенством. Необходимо объединить благо и свободу, только тогда возможно осуществление гуманистической политики.

3. Гуманистическая политика (И. Кант, Ф. Достоевский, М. Ганди, М.Л. Кинг и др.) исходит из тезиса «*благая цель может быть достигнута только благими методами*»¹². Данное высказывание является не пожеланием кота Леопольда («давайте жить дружно»), но аксиомой, подтвержденной на практике. Дело в том, что цель зависит от тех средств, с помощью которых она достигается, поэтому благая цель не может быть достигнута негодными средствами, она тогда видоизменится, будет уже другой, не благой. Это прекрасно осознавал Достоевский и стремился выразить в своем творчестве. Отвечая на вопрос, «что же есть истинная политика?», И.А. Ильин пишет: «утверждение *органической солидарности всех со всеми*». И далее: «*Истинное Политическое служение* имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но *весь народ в целом*. Политика по существу своему не раскалывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг на друга; напротив, она *объединяет людей* на том, что *им всем общее*». Поэтому марксистско-ленинское деление общества на враждебные классы и инспирирование кровавой борьбы между ними Ильин называет «*политическим развратом*»¹³.

Кант также выступил против макиавеллистского освобождения политики от морали или поглощения политикой морали: «Политика говорит: «*Будьте мудры как змии*», мораль прибавляет (как ограничивающее условие): «*и чисты как голуби*»; «истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдав должного морали». Кант, наследуя традицию классической политической философии (Аристотеля) утверждал, что истинная цель политики — «соответствие общей цели общества»¹⁴. Он подвел итог теоретическим исканиям эпохи Просвещения, обосновывал правовые формы и методы борьбы за изменение общественного строя и объявил личность самоцелью общественной организации: «право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти».

Однако Кант по просветительски наивно

мыслил, что даже дьявол, если он обладает рассудком, в итоге превратится в светлого ангела, что уж тут говорить о всемирной истории и таком пустяке, как человеческий эгоизм, – Кант безусловно верил в его социализацию. Он, как и его предшественники, полагал, что в итоге социализация эгоизма достигнет такой степени, что человечество из враждующих народов превратится во «всеобщее правовое гражданское общество»¹⁵. С одной стороны, Кант выступает против макиавеллистского освобождения политики от морали, с другой, он прославляет существующий в обществе антагонизм и эгоистическую природу человека, возвращаясь к методологии Макиавелли и Гоббса. Кротких людей Кант сравнивает с овцами и превозносит «завистливо соперничающее тщеславие», «ненасытную жажду обладать и господствовать» как двигателей прогресса, без которых «все превосходные природные задатки человека оставались бы навсегда неразвитыми».

Достоевский более пессимистичен на этот счет, у него Бог и дьявол борются в сердце человека за его душу. Природа человека выглядит у Достоевского антиномичной, и одному рассудку не справиться со злом, более того, он может быть на услужении злу. В отличие от Канта, ставшего родоначальником немецкой классической политической философии, Достоевского можно назвать родоначальником экзистенциальной гуманистической политической философии. Особенно глубоко его идеи развернулись в произведениях *Братья Карамазовы*, *Идиот* (критика насилия) и *Бесы* (непревзойденная критика всякого революционного насилия). Наиболее глубок, значителен и радикален символ «слезинки ребенка», изображенный Достоевским в *Братьях Карамазовых*, когда Иван Карамазов отказывается принять светлое совершенное будущее общество, если при возведении его фундамента необходима хотя бы одна слезинка ребенка¹⁶.

Новоевропейская социально-политическая мысль строится на принципах, заложенных Макиавелли и Гоббсом – это социология социализация эгоизма, поиска компромисса эгоизмов в парламенте. Новая политическая наука учит тому, что у человека нет ничего,

чего бы ему следовало стыдиться, но тем самым она способствует победе низменного в человеке. Лео Штраус заключает, что новая политическая наука «играет на лире в то время, когда Рим горит», правда, «она не знает, что играет на лире, и не знает, что Рим горит»¹⁷. Просветительские «либерально-демократические» идеалы внедряются любыми средствами, служат не всем и не человеку как таковому, а находятся в услужении определенных геополитических интересов. Самым интересным при этом является то, что метод «социализации эгоизма», принятый в новоевропейской и современной социологии и политологии, не является фундаментом сложившегося общественно-политического строя европейских демократий. Этот фундамент положен не в этих надстроечных и научных сферах, а в духовных основаниях европейской культуры, связанных с христианскими ценностями, пусть даже секуляризовано интерпретированными¹⁸. Именно духовно-нравственные ценности, а не просто социализация эгоизма и компромисс эгоизмов позволили построить и демократию, и правовое государство, и гражданское общество, и цивилизованную социально ориентированную рыночную экономику.

Насильственная макиавеллистская, гегелевско-марксистская, большевистско-либеральная (мы видим, как крайне правые в России объединяются с крайне левыми в призывах к насилию) методология решения общественных проблем должна смениться истинно гуманистической, демократической, в центре которой – не «духи истории» (Гегель), не «национальные государства» (Макиавелли), не «антагонистические классы» (Маркс), а хрупкая человеческая личность, ценность которой превышает любой идеологии, как «марксистско-большевистской», так и «либерально-демократической». А.С. Солженицын, следуя нравственной традиции великой русской литературы, также отстаивал принципы гуманистической политики: «Забывают, что только нравственная политика даёт добрые плоды в дальней перспективе»¹⁹. Писатель критиковал подмену ООН, ее Совета Безопасности решениями США и НАТО, войны, развязанные госдепартаментом США под видом «гуманных целей».

4. Пацифистская политика непротивленчества может быть выражена тезисом «*непротивление злу силой*» (Лев Толстой). При этом ее необходимо принципиально отличать от гуманистической политики ненасилия, исходящей из тезиса «*непротивление злу насилем*», но признающей при необходимости «*сопротивление злу силой*». Разница в этих тезисах и подходах – качественная, однако ее не всегда замечают, смешивая указанные положения. С.Н. Булгаков, выражая идею ненасилия, отмечал необходимость «соединить непримиримость к злодейству с немстительностью к злодеям»²⁰. Принцип ненасилия отличается от пацифизма тем, что не запрещает необходимую самозащиту от агрессора.

В заключение можно высказать мысль, что человечество лишь тогда достигнет уровня, необходимого для его выживания в современную эпоху, когда признает, и не на слове, а на деле, высшую ценность человеческой жизни, каждой конкретной единичной человеческой жизни. Когда воплотится высказанный Иммануилом Кантом великий гуманистический принцип «человек есть цель и никогда не может выступать в качестве средства». Человек не может приноситься в жертву никаким интересам и идеологиям. Современное человечество, несмотря на наличие и разработку идей ненасилия и ярчайшие примеры в истории человечества, в целом еще оказалось не готово к восприятию этой истины. Ненасилие должно пропагандироваться и воспитываться в новых поколениях, и оно должно становиться нормой жизни уже сейчас, иначе «завтра» может не быть. Новая политическая теория, основанная на хорошо забытых принципах «осевого времени», мировых религий и истинного гуманизма должна стать экзистенциально-личностной, а не классовой или либерально-экстремистской. Она должна быть не пацифистской, а активно отстаивающей добро.

1. Макиавелли Н. Государь или Рассуждение на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 148.
2. Макиавелли Н. Соч. М. – Л., 1934. Т. 1. С. 289.
3. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 1999. С. 71, 73.

4. Там же, с. 176.
5. См. коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского к: Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 470.
6. Мерло-Понти отмечает в этой связи: «Можно сказать, что макиавеллизм есть опровержение Макиавелли...» («Заметки о Макиавелли», с. 256–257).
7. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 155.
8. Бердяев Н. О назначении человека. М., 1993. С. 287.
9. «С формальной точки зрения, – пишет И.А. Ильин, – их житейская борьба и их карьера – имела «политический характер, потому что они добивались государственной власти и захватывали ее. Но по существу дела их деятельность была анти-политической и противогосударственной. Как авантюристы и карьеристы, – они «преуспевали»; но как «политики» они осуществляли «позорный провал», ибо они губили свой народ в нужде, страхе и унижениях» (Ильин И.А. Кризис демократии обостряется... // Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. Кн. 2. М., 1993. С. 153).
10. И.А. Ильин отмечал в этой связи следующее: «История знает множество авантюристов, честолюбцев, хищников и преступников, овладевавших государственною властью и злоупотреблявших ею. Нужно быть совсем слепым и наивным, чтобы причислять эти разбойничьи дела к тому, что мы называем Политикой» (Там же, с. 152).
11. Там же, с. 152–153.
12. «ненасилие требует, чтобы средства, которые мы используем, были так же чисты, как наши цели» (Кинг-младший М.Л. Письмо из бирмингемской городской тюрьмы // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М., ИВИ РАН, 2000. С. 281.).
13. Ильин И.А. Кризис демократии обостряется... // Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. Кн. 2. – М., 1993. С. 155, 156. Вместе с тем Ильин критиковал политику ненасилия, в том числе М. Ганди, что вступает в противоречие с основами гуманистической, моральной политики. Причиной этому служило его своеобразное понимание доктрины «сопротивления злу силой» (см. об этом: «О моральном обновлении человечества» // Там же, с. 288–291). Ильин не осознавал разницы между учениями Толстого (непротивленчеством) и Ганди (ненасильственным сопротивлением).
14. Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994. С. 37. С. 37, 55–56, 259, 290.
15. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же, т. 8. С. 12.
16. Эту же мысль Достоевский развивает в очерке «Пушкин» (Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 26. С. 142.).
17. Штраус Л. Эпилог // Введение в политическую философию. М., 2000. С. 161.
18. Так, согласно Л. Штраусу «современность – это секуляризованная библейская вера»: «не надеяться на жизнь в раю, а установить рай на земле чисто человеческими средствами». Секуляризация в этом случае означает «сохранение мыслей, чувств, чувств или привычек библейского происхождения после утраты или атрофии библейской веры» (Штраус Л. Три волны современности. С. 69.).
19. Солженицын А.И. Перерождение гуманизма // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 2005. С. 513.
20. Булгаков С. Слово в неделю сыропустную // Булгаков С. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 196.